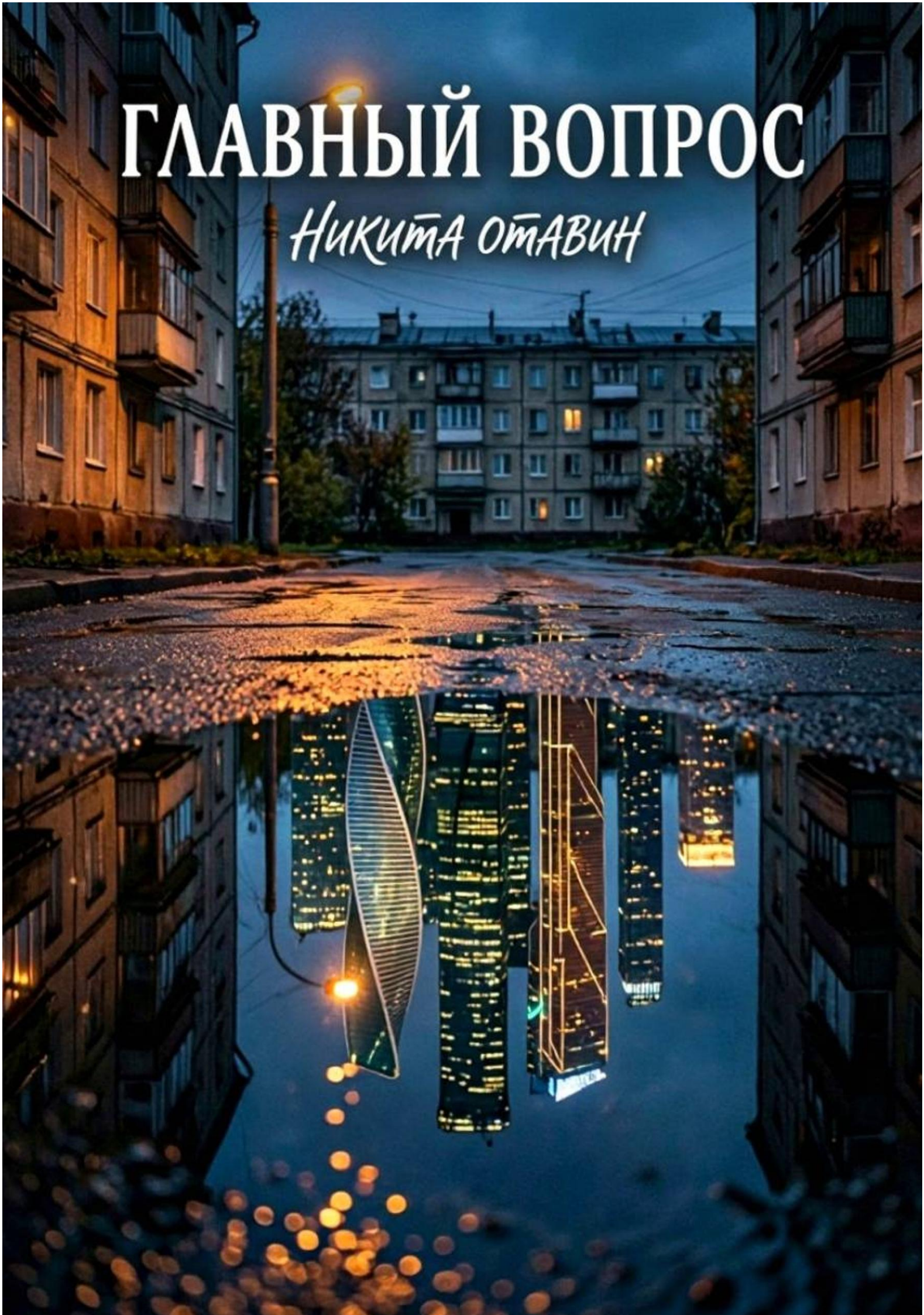
ГЛАВНЫЙ ВОПРОС
Никита Отавин

Никита Отавин

Главный вопрос

«Автор»
2026

Отавин Н.

Главный вопрос / Н. Отавин — «Автор», 2026

Что, если успех — не синоним счастья, а карьера — не смысл жизни?Повесть Никиты Отавина «Главный вопрос» — пронзительная история о кризисе ценностей и пути к подлинному себе. Илья Громов — блестящий финансист, воплощение успеха: высокий пост, деньги, статус. Но в момент триумфа он вдруг осознаёт: за фасадом достижений — пустота.Когда карьера рушится, привычный мир распадается, а близкие отворачиваются, герою предстоит ответить на самый трудный вопрос: что действительно имеет значение? Через потери, унижения и боль он заново открывает простые истины — о любви, ответственности и человеческой связи.Эта повесть — зеркало для тех, кто когда-либо сомневался, правильно ли расставлены приоритеты. Она заставляет остановиться и задуматься: что для вас — главное?

© Отавин Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ 6
Глава 1. Идеальная кривая 7
Глава 2. Трещина в фундаменте 9
Глава 3. Обнуление 11
Глава 4. Побег к наставнику 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Никита Отавин
Главный вопрос

В моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного.
А. П. Чехов, «Скучная история»

Аннотация

Где заканчивается роль и начинается человек? Что остаётся, когда исчезают внешние опоры — карьера, деньги, статус?

Повесть «Главный вопрос» — история Ильи Громова, блестящего финансиста, чья жизнь внезапно теряет смысл. Через падение, одиночество и болезненное переосмысление он учится отличать главное от второстепенного, а успех — от счастья.

Данное произведение — пронзительная притча о том, как найти себя там, где, казалось, не осталось ничего.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ

Глава 1. Идеальная кривая

Цифры на трёх мониторах сходились в идеальный, хищный узор. Плюс сто сорок миллионов. Илья Громов снял очки, потёр переносицу и позволил себе выдохнуть только тогда, когда электронная подпись легла на финальный пакет документов. Сделка века. Закрытая за сорок восемь часов до дедлайна, который сам же Илья и нарисовал на графике, чтобы взбодрить команду.

В переговорной «Сколково-Плаза» пахло дорогим парфюмом.

— Илья Андреевич, совет директоров завтра в десять. Проект приказа о вашем назначении на стол уже лёг, — голос младшего партнёра, Аркадия, сочился мёдом. — Вы теперь не просто финансовый директор. Вы — архитектура всей этой махины.

Илья кивнул, убирая телефон во внутренний карман пиджака, который стоил как подержанная иномарка. Архитектура. Ему нравилось это слово. Оно означало порядок, «сопромат», отсутствие случайностей.

Вечером был банкет в ресторане на крыше. Шампанское лилось рекой, партнёры жали руки, конкуренты цокали языками. Директор по маркетингу, захмелев, лез обниматься и кричал, что Илья — их ледокол, их броненосец.

Илья улыбался, кивал, произносил правильные тосты. Он чувствовал на себе восхищённые взгляды, чувствовал тяжесть своего успеха. Ему сорок пять. Он на пике. У него есть всё: статус, деньги, имя, которое в их узком кругу произносили с придыханием.

Когда он вышел на открытую террасу глотнуть холодного воздуха, паника ударила под рёбра. Не сердечный приступ — хуже. Экзистенциальная тошнота.

Он посмотрел на свои руки. На дорогие запонки. На огни Садового кольца внизу. И вдруг с абсолютной, математической ясностью понял, что не чувствует ничего. Ни радости от сделки, ни гордости за команду, ни предвкушения от нового назначения. Только гулкую пустоту, как в бетонном бункере.

Всё, чем он жил последние двадцать лет, было безупречной, идеально сбалансированной, но абсолютно мёртвой конструкцией.

Домой, в свою огромную и обустроенную по последнему слову техники, квартиру в жилом комплексе на набережной, он приехал за полночь. Марина не спала — ждала на кухне, кутаясь в кашемировый халат. На столе стояла открытая бутылка вина и два бокала.

— Поздравляю, Илюш, — она попыталась броситься ему на шею, но он механически подставил щёку. — Я так тобой горжусь. Мы теперь сможем достроить второй этаж в Барвихе. И бассейн.

Она говорила о доме, о котором мечтала, с такой же интонацией, с какой он только что на банкете говорил о марже и о KPI.

— Поздно, Марин. Я не ужинал.

— Я оставила на столе. Там стейк из мраморной говядины, твой любимый.

Он прошёл в столовую. Огромный стол из цельного дуба был пуст, если не считать одной тарелки с остывшим, заветренным мясом. Илья смотрел на этот стейк и чувствовал только раздражение на Марину, на повара, на себя.

Он достал телефон. Восемнадцать пропущенных. Двадцать три новых письма.

— Пап, ты в курсе, что ты работаешь даже когда жрёшь? — голос сына раздался за спиной так неожиданно, что Илья вздрогнул.

Егор стоял в дверях, прислонившись к косяку. В рваной футболке, с волосами, выкрашенными в какой-то токсично-зелёный цвет. Ему было семнадцать, и он был главным провалом в системе Ильи.

— Не выражайся, — бросил Илья, не отрывая взгляда от экрана. — И иди спать. У тебя завтра контрольная.

— При чём тут контрольная? — Егор презрительно нахмурился. — Ты хоть понимаешь, что ты говоришь как робот? Ты свою жизнь в Excel-таблицу забил. Скучная история, пап. Всё по Чехову. Почитай как-нибудь, если, конечно, найдёшь время на такую «глупость».

Сын развернулся и ушёл, громко хлопнув дверью своей комнаты.

Илья остался стоять в огромной, стерильной столовой. Словосочетание «Скучная история» зацепилось за мозг. Он смутно помнил что-то из школьной программы. Какой-то старый профессор…

Он сел за стол, отодвинул остывший стейк и придвинул к себе телефон. Пальцы сами набрали в поисковике: Чехов Скучная история.

Он открыл первую попавшуюся ссылку, пропустил вступление и вчитался в строки дневника:

«Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь или себя, то я принимал во внимание не поступки, а желания. И теперь я спрашиваю себя: чего я хочу? Я хочу…»

Илья замер.

Он оглядел столовую. Вслушался в мёртвую тишину дома, который казался ему сегодня не крепостью, а роскошным склепом.

«Чего я хочу?» — спросил он себя.

В голове тут же привычно щёлкнуло, как в калькуляторе: «Хочу возглавить совет. Хочу обеспечить семью. Хочу статус».

Но тошнота, накатившая тогда на террасе, подступила снова. Это были не желания. Это были пункты из должностной инструкции его собственной жизни.

Внизу экрана смартфона светилась цитата, которую алгоритм подсветил как главную:

«В моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного».

Илья медленно положил телефон на стол экраном вниз.

Главное.

Он попытался нащупать это «главное» внутри себя, как нащупывал всегда дыру в бюджете или подвох в договоре. Но мысли хватали пустоту.

За окном шумела ночная Москва — город, который он привык считать покорённым. Илья сидел в тишине, смотрел на остывший кусок мяса и впервые в жизни не знал, что ему делать дальше. Идеальная кривая его биографии дала первый, едва заметный, но необратимый излом.

Глава 2. Трещина в фундаменте

Трещина в фундаменте компании оказалась тектоническим разломом.

Она началась не с обвала индексов и не с паники на биржах Токио. Она началась с утреннего звонка Аркадия в среду, когда за окном ещё висел серый, липкий ноябрьский туман.

— Илья Андреевич, у нас кассовый разрыв по «Альфе». На сорок миллионов прямо сейчас. Ликвидность на нуле.

Илья, уже одетый в свежую рубашку, стоял у окна спальни. Марина ещё спала. Слова «кассовый разрыв» и «ликвидность» должны были запустить в его голове привычный, отлаженный механизм. Оценка рисков, поиск резервов, звонок в казначейство.

Но механизм заело. Перед глазами стояло вчерашнее: остывший стейк, зелёные волосы сына и слова из повести Чехова.

— Перекинь с «Беты», — сухо бросил он. — И подними лимиты по овердрафту. — Лимиты блокирует комплаенс. Там дыра в залоговой базе, Илья Андреевич. Мы строили пирамиду на воздухе.

Пирамида. Аркадий произнёс это буднично, почти весело, как будто обсуждал опоздавшего курьера с доставкой кофе.

К обеду «дыра» в «Альфе» превратилась в пробоину по всему холдингу. Рынок, который Илья Громов привык считать послушным механизмом, сошёл с ума. Биржевые индексы падали вертикально вниз. Валюта, в которой была номинирована львиная доля их долгов, взлетела в стратосферу.

Илья сидел в своем кресле на сороковом этаже. Стеклянные стены кабинета, ещё вчера казавшиеся стенами капитанского мостика «Титаника», теперь выглядели как стенки аквариума. За ними, внизу, по Садовому кольцу ползли красные огни машин, но звука сирен слышно не было — тройные стеклопакеты отсекали панику города. Здесь, наверху, было стерильно и тихо.

К нему ввалился директор по стратегии — бледный, с трясущимися губами. — Илья, нас шортят. По всем фронтам. Инсайд слил кто-то из своих.

Илья посмотрел на него пустым взглядом. «Кто-то из своих». Вчера на банкете эти «свои» жали ему руки. В их мире не было предательства, были только «неудачные хеджирования».

— Собирай антикризисный штаб. Через час в большом зале. Всех вице-президентов.

Он начал действовать. Паника, ударившая под ребра на террасе ресторана, замёрзла, превратилась в холодный, тяжёлый металл. Илья Громов делал то единственное, что умел делать гениально: он управлял.

Первым делом он вызвал службу безопасности.

— Мне нужны логи почты и мессенджеров всего топ-менеджмента. Начиная с вчерашнего дня. Прямо мне на защищённый планшет.

Затем он спустился в казначейство холдинга. Молодые ребята, привыкшие перекидывать миллиарды щелчком мыши, сидели с серыми лицами.

— Продаём всё, — Илья обвёл взглядом мониторы. — Все непрофильные активы. Здания в регионах, логистический парк, долю в IT-стартапе. Продаём с дисконтом в тридцать процентов. Нам нужно закрыть дыру до закрытия торгов в Нью-Йорке.

— Но Илья Андреевич, совет директоров утвердил стратегию удержания… — Мне плевать, что утвердил совет! — Илья ударил ладонью по столу, впервые за двадцать лет работы в компании, сорвавшись на крик. — Я финансовый директор, исполняющий обязанности председателя! Я сказал: продаём.

Он начал резать по живому. Увольнял людей, с которыми строил эту компанию много лет. Не глядя им в глаза, протягивая готовые бланки заявлений по собственному.

— Ты хороший аналитик, Пётр. Но твоя позиция теперь — непозволительная роскошь. Компенсация в три оклада. Дверь там.

Он был ледоколом. Он шёл сквозь собственный флот, сбрасывая за борт шлюпки, чтобы не пойти ко дну самому.

К вечеру в огромном зале заседаний пахло страхом и остывшим кофе. Илья стоял во главе дубового стола. На экране за его спиной графики рисовали картину абсолютной катастрофы.

— Мы урезаем бонусы, — его голос звучал ровно, почти механически. — Мы замораживаем индексацию. Мы закрываем благотворительный фонд.

— Илья, это удар по репутации, — подал голос старый кадровик. — Мы позиционировали себя как социально ответственных…

— Репутация не платит по купонам, — отрезал Илья. — Жить будем в режиме жёсткой экономии. Кто не согласен — может писать заявление. Аркадий, подготовь списки на сокращение. Начнём с маркетинга и PR. Нам больше не перед кем красоваться.

Аркадий кивнул, быстро делая пометки в планшете. В его глазах Илья не видел страха. Видел только азарт.

Когда совещание штаба закончилось, и все вывалились из кабинета, Илья остался один. Он подошёл к панорамному окну. Москва внизу горела миллионами огней. Город жил своей жизнью, жрал, пил, ненавидел и любил, совершенно не замечая, что на сороковом этаже стеклянной башни прямо сейчас убивают империю.

Илья достал телефон. Двадцать семь процентов зарядки. Двадцать три пропущенных от Марины. Одно сообщение от Егора, пришедшее ещё днём: «Ну чё, папа, как там твой Титаник? Не тонет?».

Илья хотел разозлиться, но не смог. Внутри было слишком холодно для злости.

Он набрал Марину.

— Илюш, я видела новости! — голос жены дрожал. — Говорят, кризис страшнее две тысячи восьмого! Что с нами будет? Наш дом в Барвихе…

— Барвиха в безопасности, — солгал он. Голос сел, и фраза прозвучала хрипло. — Марин, я на работе. Я разруливаю. Не читай новости.

— Когда ты будешь? Я заказала ужин из «Пушкина»…

— Не знаю. Не жди.

Он сбросил вызов.

Илья посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Осунувшееся лицо, тени под глазами, идеально сшитый пиджак, который теперь казался формой солдата армии, проигравшей войну.

Он спасал компанию. Он принимал жёсткие, единственно верные управленческие решения. Он был эффективен, как никогда.

Но сегодня, глядя на свое отражение в стекле небоскрёба, Илья Громов почувствовал себя не архитектором, а прорабом на руинах. Он строил плотину из песка, пока вода уже заливала лёгкие.

Трещина в фундаменте превратилась в разлом. И Илья стоял на самом его краю, судорожно сжимая в руке планшет с историей почтовых сообщений своих коллег, которые он так и не открыл.

Глава 3. Обнуление

Обнуление произошло не в пятницу, как принято в корпорациях для экономии на выходных пособиях. Оно случилось в четверг, в 14:15.

Илья только что закончил душить логистическую компанию, выбивая из них скидку в сорок процентов за перевозку остатков товара. Он положил трубку, чувствуя привычный, почти наркотический укол триумфа: он продавил их, он спас еще несколько миллионов.

Дверь кабинета открылась без стука.

На пороге стоял начальник службы безопасности — человек, которому Илья платил за то, чтобы тот знал все секреты, кроме его собственных. В руках безопасник держал кожаную папку. За его спиной маячил Аркадий. У Аркадия на лице играла улыбка. Не торжествующая, нет — сочувствующая. Улыбка санитара, пришедшего делать смертельную инъекцию.

— Илья Андреевич, совет на связи. Экстренно. Видео, — бросил безопасник.

На огромном экране конференц-связи, занимавшем всю стену, появилось шесть лиц. Лица людей, которые два дня назад жали ему руки на банкете. Директор по производству смотрел в стол. Директор по маркетингу, которого Илья утром выгнал из кабинета, смотрел с плохо скрываемым злорадством. Председатель совета директоров, старый акционер, смотрел сквозь Илью.

— Громов, — голос председателя лязгнул, как затвор. — Докладывай.

— Мы стабилизировали «Альфу», — Илья кивнул на монитор своего ноутбука, где в реальном времени бежали цифры закрытых сделок. — Продажа непрофильных активов покроет кассовый разрыв до понедельника. Я сократил фонд оплаты труда на двенадцать процентов. Мы удержим судно на плаву.

— Судно уже на дне, Илья, — мягко, почти ласково перебил его Аркадий. — Ты просто еще не спустился в трюм.

Аркадий кивнул безопаснику. Тот шагнул вперёд и положил на стол перед Ильей раскрытую папку.

Это были распечатки. Его собственные письма. «Вывести 40 млн через офшор "Б", обнулить на балансе "Альфы"». «Слить инсайд по залогам через анонимайзеры, спровоцировать шорт-сквиз, выкупить на минимуме». «Сокрытие долговой нагрузки в промежуточном отчёте для ЦБ».

Илья смотрел на чёрные строчки Times New Roman. Он знал каждое это письмо. Он сам их писал или санкционировал. Это и была та самая «архитектура махины» — агрессивная, на грани фола, финансовая инженерия, которая делала их холдинг лидером рынка.

Вчера это называлось «эффективным менеджментом». Сегодня, на фоне обвала, это называлось «мошенничеством» и «доведением до банкротства».

— Ты подставил нас всех под уголовку, — голос председателя лишился всяких эмоций. — Мы теряем всё. Лицензии, активы, личные гарантии.

— Это была общая стратегия! — Илья вскочил, чувствуя, как воротник рубашки впивается в горло. — Совет утверждал каждый аудит! Вы все подписывали эти отчёты!

— Мы подписывали то, что приносил нам ты, — председатель снял очки. — А ты приносил нам фальсификат. Твоя личная ответственность, Громов. Мы провели предварительный юридический анализ.

Аркадий шагнул к столу. Он больше не улыбался.

— В целях спасения оставшихся активов и минимизации репутационных рисков для членов совета, — он говорил сухо, зачитывал как приговор, — полномочия финансового директора и исполняющего обязанности председателя Ильи Андреевича Громова приостанавлива-

ются немедленно. Доступ в здание заблокирован. Ключи, пропуск, корпоративный телефон и ноутбук — на стол.

Илья перевел взгляд с экрана на Аркадия. Он ожидал злобы, страха, чего угодно. Но в глазах бывшего подчинённого он увидел только холодное, математическое удовлетворение. Хищник откусил голову вожаку, потому что стая была голодна.

— Если ты сейчас начнёшь истерику или попытаешься связаться с прессой, — Аркадий наклонился над столом, перейдя на шёпот, — в папке хватит доказательств, чтобы ты уехал в «Лефортово» прямо из этого кресла. Уходи, Илья. Просто уходи.

Самый страшный корпоративный крах выглядел до смешного буднично.

Илья вынул из кармана пиджака два телефона. Свой, личный, и «лопату» с корпоративной почтой. Положил на стол перед Аркадием. Рядом лёг тяжёлый латунный пропуск.

Ничего не сказав, он просто кивнул безопаснику, развернулся и пошёл к выходу.

В приемной сидела его бессменная секретарша Лена. Увидев лицо Ильи, она вскочила, открыла рот, чтобы спросить, нужно ли заказать такси, но Илья прошёл мимо, глядя сквозь неё.

Лифт падал вниз с сорокового этажа. Илья смотрел на своё отражение в полированной стали дверей. Галстук сбит набок. Верхняя пуговица рубашки оторвана — он даже не заметил, когда. Лицо было не просто бледным, а серым, цвета пепла.

Двери разъехались. Илья вышел в мраморный холл.

Здесь всё сияло. Туристы фотографировались у фонтана, на улице сигналили машины, кто-то смеялся в кофейне. Мир продолжал существовать. Мир не заметил, что только что казнили короля.

На улице шёл мокрый снег. Первый снег в этом году. Илья застегнул пиджак — тонкая итальянская шерсть не спасала от ноябрьской сырости — и пошёл пешком.

Он шёл по Садовому кольцу, мимо своих владений. Мимо ресторанов, где он ужинал. Мимо автосалонов, где покупал машины. Мимо людей, которые ещё вчера приветливо уступали ему дорогу.

Он шёл в сторону дома. В сторону жилого комплекса на набережной.

Когда он открыл дверь своим ключом, в прихожей горел мягкий свет. Марина вышла из гостиной, вытирая руки о полотенце. Она увидела его лицо, грязные от слякоти ботинки, порванный воротник и замерла.

— Илюша… Что случилось? Нас не пустили на банкротство? — в ее голосе была паника, но паника хозяйки, у которой вот-вот отнимут поместье.

Илья прошёл мимо неё в столовую. Подошёл к столу. Снял с руки часы — платиновый «Патек Филипп», подарок совета директоров на сорокалетие. Бросил их на дубовую поверхность. Звук был неожиданно громким, почти как выстрел.

— Нас списали, — сказал он в пустоту. — Меня списали.

Марина открыла банковское приложение на своём телефоне. Через минуту её идеальный маникюр впился в собственное запястье.

— Заблокированы… Все счета заблокированы. И ипотека на строительство… Илюша, у нас заберут дом в Барвихе и эту квартиру от холдинга.

Она подняла на него полные слёз глаза, ожидая увидеть гнев, план действий, стальную волю. Она привыкла, что Илья Громов решает проблемы.

Илья смотрел на платиновые часы, лежащие на столе. Затем перевёл взгляд на жену.

И он понял самое страшное. В её глазах был ужас. В них был ужас от того, что она лишится всего привычного, комфортного, материального… И ужас от того, что человек, стоявший перед ней, больше не был Ильей Громовым.

С него содрали не должность. С него содрали кожу.

Обнуление было полным. Остался только ноль.

Глава 4. Побег к наставнику

Находиться дома стало невыносимо. К Виктору Илья поехал не сразу. Сначала он два часа сидел в машине на парковке у дома, глядя на приборную панель. Бензина было меньше четверти. Телефон он выключил ещё в лифте, инстинктивно, как прячут голову в плечи при взрыве.

Он не мог вернуться домой. Не мог зайти в квартиру, где Марина сейчас, наверное, мечется по спальне, подсчитывая убытки и пакует чемоданы, чтобы сбежать от «токсичного актива».

Виктор жил в старом кирпичном доме на «Академической», в квартире, которая пахла пылью, засохшим в горшках столетником и одиночеством. Когда-то, двадцать лет назад, этот запах казался Илье запахом настоящей науки. Сейчас он пах нищетой.

Дверь открыл сам Виктор. Старый профессор ничуть не изменился: тот же потёртый на локтях вельветовый пиджак, тот же ироничный прищур из-под густых бровей. Он молча посторонился, пропуская Илью в темноту коридора.

— Денег не дам, — сказал Виктор в спину Илье, когда тот разувался, механически ставя дорогие кожаные туфли ровно по линии. — У меня их нет. Пенсия, сам понимаешь. Государство считает, что знания — это хобби.

— Я не за деньгами, — голос Ильи сел, превратившись в глухой хрип.

Они прошли на кухню. Виктор щёлкнул кнопкой старого электрического чайника, который зашумел с кряхтением умирающего зверя. Илья сидел на табурете, сжимая колени руками, чтобы они не тряслись. Озноб, начавшийся на улице, не проходил.

— Красиво выгнали? — Виктор насыпал в чашки дешёвый чай, пахнущий вениками. — Или сам ушёл, пока не посадили?

— Красиво. Сдали. Свои.

— Свои всегда сдают, Илюша. Это базовый закон пищевой цепочки. Сильный съедает слабого, а близкий — сильного, когда тот споткнулся. Чему я тебя учил на лекциях по макроэкономике? Институциональная память. Стая всегда избавляется от вожака с запахом крови.

Илья смотрел на свои руки. Пальцы были бледными и чуть подрагивали.

— Я всё делал правильно, Виктор Петрович. Мы строили систему. Оптимизацию. Я выжимал из активов максимум. Это… это просто рыночная коррекция. Мы бы выстояли, если бы не удар в спину.

— Ты строил не систему, — Виктор поставил перед ним чашку. Пар обжёг Илье лицо. — Ты строил карточный домик из чужих карт в колоде. Ты подменил фундамент. Вместо гравия и бетона залил туда свою гордыню и комплекс отличника. А когда пошёл дождь, твой фундамент растворился.

— Я потерял всё, — прошептал Илья. — Всё, что было. Всё, ради чего…

— Что именно ты потерял? — Виктор тяжело опустился напротив. — Стеклянную клетку на сороковом этаже? Девку, которая жила с тобой ради статуса и денег? Почтение мальчиков в галстуках, которые боялись твоего кашля?

Илья поднял на него больные, воспалённые глаза.

— Я потерял себя.

Виктор коротко, лающе посмеялся.

— Вот тут ты, голубчик, ошибаешься. Себя ты как раз нашёл. Просто тебе этот экземпляр на лабораторном столе очень не нравится. Он оказался неказистым, правда? Без костюма от Бриони ты какой-то… мелкий.

Старик встал, подошёл к книжному шкафу. Провёл пальцем по корешкам.

— Знаешь, почему твой сын назвал твою жизнь «скучной историей»? — спросил Виктор, не оборачиваясь.

Илья вздрогнул.

— Откуда вы…

— Он заходил ко мне проведать. Буквально вчера. Сидел вот на этом самом стуле, качал ногой и рассказывал, какой ты «эффективный менеджер». Я дал ему чаю, он скривился. Сказал, что у Чехова есть повесть про таких, как ты. «Скучная история». Они в гимназии на литературе проходили.

Виктор достал с полки тонкую книгу в мягкой обложке. Она стояла между томом теоретической физики и старым справочником. Обложка была выцветшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.